

НЕ ОХЛѢВЪ ЕДИННОМЪ
БЪДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ.

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БЪДЕТЪ НЕ СТЫДЪ.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
СПАСА

СВ. БАСІЛІЙ ВЕЛИКІЙ
ВОЛОГОДСКІЙ ЧУДОТВОРЦЪ

СВ. СТЕФАНЪ
ПЕРМСКІЙ

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 37
1907.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНИЕ: Что требуетъ Христось и мамона. (40 Бес. на Ев. I. Бог.)— Престыя бесѣды съ простыми людьми. О разныхъ свободахъ. *Старца.*— Сила Божія и немощь человѣческая Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ЧТО ТРЕБУЕТЪ ХРИСТОСЪ И МАМОНА.

(40 Бес. на Ев. I. Бог.).

то имѣеть одно благое дѣло, а другаго не имѣеть, такой человѣкъ еще несовершенъ. Какая напримѣръ польза, скажи мнѣ, если кто молится прилежно, а милостыню подаетъ не щедро? Или щедро подаетъ милостыню, но лихоимствуетъ и притѣсняетъ другихъ, или подаетъ только на показъ людямъ и ради похвалы отъ видящихъ? Или хотя подаетъ милостыню съ полнымъ усердіемъ и для благоугожденія Богу, но этимъ самымъ превозносится и высокоумдрствуетъ о себѣ? Или смиряется и соблюдаетъ постъ, но при этомъ сребролюбивъ, любостыжателенъ и, бывъ привязанъ къ землѣ, вводитъ въ душу свою мать всѣхъ золь? Ибо корень всѣхъ золь есть сребролюбіе. Будемъ страшиться его, будемъ убѣгать этого грѣха. Сребролюбіе возмутило всю вселенную; все привело въ безпорядокъ; оно удаляетъ насъ отъ блаженнѣйшаго служенія Христу: *ибо не можете*, говоритъ Онъ, *Богу работать и мамонъ* (Матѳ. 6, 24); ибо мамона требуетъ совершенно противнаго Христу. Христосъ говоритъ: подай нуждающемуся, а мамона: отними у нуждающагося; Христосъ говоритъ: прощай зломыслящимъ на тебя и обидящимъ, а мамона напротивъ: строй козни противъ людей, нисколько не обижающихъ тебя; Христосъ говоритъ: будь чловѣколюбивъ и кротокъ, а мамона напротивъ: будь жестокъ и безчловѣченъ, считай ни за что слезы бѣдныхъ, и такимъ образомъ въ день суда сдѣлаеть страшнымъ для насъ Судію. Тогда всѣ наши дѣянія представнутъ предъ нашими глазами: обиженные и обнаженные нами лишатъ насъ всякаго оправданія. Ибо если Лазарь, нисколько не обиженный богачемъ, а только не получившій отъ него помощи, сдѣлался строгимъ его обвинителемъ, и не допустилъ богатаго получить какое либо снисхожденіе: то скажи, какое оправданіе будутъ имѣть тѣ, которые не только не подаютъ милостыни изъ своего имущества, но еще присвояютъ себѣ чужое и разоряютъ дома сиротъ? Если не напитавшіе алчущаго Христа навлекли на главу свою столь великій огонь: то похищающіе

чужое, ведущіе безчисленныя тяжбы, несправедливо присвоющіе себѣ имѣнія отъ всѣхъ, какую получаютъ отраду? Итакъ, исторгнемъ изъ себя эту страсть; а исторгнемъ, если помыслимъ о тѣхъ, кой прежде насъ дѣлали другимъ несправедливости, лихоимствовали и умирали. Не другіе ли пользуются ихъ богатствомъ и трудами, тогда какъ сами они подвержены казни, мукамъ, и невыносимымъ злостраданіямъ? Не крайнее ли это безуміе—трудиться и заботиться, чтобы и при жизни истощаться отъ трудовъ, и по смерти терпѣть невыносимыя наказанія и мученія, тогда какъ надлежало бы и здѣсь наслаждаться благоденствіемъ, (ибо ничто не доставляетъ столько удовольствія, какъ милостыня при чистой совѣсти), и по отшествіи въ другую жизнь, тамъ избавиться отъ всѣхъ золь и достигнуть безчисленныхъ благъ. Какъ порокъ здѣсь, еще прежде геенны, обыкновенно мучить преданныхъ ему: такъ добродѣтель еще прежде царствія, здѣсь доставляетъ наслажденіе подвизающимся въ ней, услаждая ихъ жизнь пріятными надеждами и постояннымъ удовольствіемъ. Итакъ, чтобы намъ получить это удовольствіе и здѣсь и въ будущей жизни, обратимся къ добрымъ дѣламъ; такимъ образомъ сподобимся мы и будущихъ вѣнцовъ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ СЪ ПРОСТЫМИ ЛЮДЬМИ.

Б е с ѣ д а I.

О разныхъ свободахъ ¹⁾.

I.

Священное Писаніе говоритъ, что когда сатана хочетъ соблазнить человѣка, то онъ нерѣдко претворяется въ ангела свѣтлаго. Такъ оно и должно быть: если бы онъ явился человѣку во всемъ своемъ гнусномъ безобразіи, то человѣкъ съ ужасомъ отвернулся бы отъ его отвратительнаго вида.

¹⁾ Считаая эту статью особенно полезною для простаго народа въ наше смутное время, авторъ не только предоставляетъ право всякому ее перепечатать, но и проситъ русскихъ православныхъ людей о томъ.

Тоже дѣлають и слуги сатаны, люди, имъ прельщенные: они принимаютъ на себя образъ слугъ Христовыхъ, проповѣдниковъ Божественной истины, и чрезъ то обольщаютъ людей. Ложь, обманъ, они прикрываютъ покровомъ истины и въ такомъ видѣ распространяють ихъ.

Въ наше смутное время много такихъ сыновъ лжи появилось среди нашего добраго, въ простотѣ сердца вѣрующаго народа. Подъ видомъ друзей—это заклятые враги Церкви Божіей, подъ одеждою овчей—это хищные волки.

Знають они, лукавые, что Русскій народъ въ Бога вѣруетъ, и въ своихъ рѣчахъ стараются не оскорблять вѣрованій народныхъ, хотя тщательно и умалчиваютъ о нихъ. Знають, что народъ любитъ Божию правду, вотъ и толкують будто бы о Божіей правдѣ. Знають, что кому не мила свобода? Вотъ и пишутъ, и печатають, и всюду толкують о „свободѣ“. Берутъ они слова все какъ будто хорошія, только такія, подъ которыми можно разумѣть и то, и другое, и третье. Возьмемъ, на примѣръ, хоть бы это милое слуху слово „свобода“.

Нынѣ всѣ помѣшались на свободѣ. Кто только не носится съ этимъ приятнымъ для всѣхъ словечкомъ? О свободѣ толкуютъ и ученые, и простые люди, и хозяева и рабочіе, и мужчины и женщины, и безусые юноши и дѣвочки—гимназистки. И какихъ-какихъ свободъ не придумали! И свобода совѣсти, и свобода личности, и свобода собраний, и свобода союзовъ, и свобода слова, и свобода печати... Да и не перечестъ всѣхъ свободъ! Слово такое заманчивое, кажется такое хорошее, но какъ вдумаясь въ него поглубже, то оно и окажется само по себѣ—*пустымъ* словомъ. Вѣдь свобода бываетъ всякая: доброму человѣку нужна свобода добро творить, а разбойнику—грабить да убивать; трудолюбивому человѣку нужна свобода трудиться да учиться, а лѣнивому—гулять, пьянствовать да распутничать. Значитъ: дѣло не въ самомъ этомъ словѣ: „свобода“, а въ томъ, какой смыслъ вложишь въ это пустое слово, что разумѣть будешь подъ этимъ словомъ.

Вотъ враги наши, разные социаль-демократы, социаль-революціонеры, всѣ эти радѣтели „народной свободы“, всѣ, величающіе себя „трудовиками“ и имъ подобные волки въ овечьихъ шкурахъ, воспользовались этимъ пустымъ словомъ *свобода*, чтобы простымъ русскимъ людямъ туману въ глаза напустить, чтобы легче было обмануть ихъ. И толкуютъ они всѣмъ о свободѣ, а о какой—о томъ старательно умалчиваютъ. Если добрый человѣкъ спроситъ ихъ: о какой же свободѣ толкуете?—они отвѣтятъ, чтобъ отъ него отвязаться: ну, конечно, мы говоримъ о свободѣ на все доброе и хорошее; а худой человѣкъ и спрашивать о

томъ не станеть, а обрадуется свободѣ и пойметъ ее такъ, какъ ему того хочется. А врагамъ нашимъ только это и нужно: имъ нужно, чтобъ люди недобрые стали всюду своевольничать, чтобъ и пошла вездѣ смута на Руси, чтобы забыли люди русскіе и страхъ Божій, и законы царскіе. Радуясь въ глубинѣ своего лукаваго сердца этой смутѣ, они восхваляютъ смутьяновъ въ своихъ газетахъ, величаютъ ихъ „освободителями“, а всю эту смуту—„освободительнымъ движеніемъ“. И придумали же такое словечко: вѣдь даже люди неглухие и тѣ прельстились имъ и повторяютъ его. А разберите, православные: что оно значитъ? Слово-то какъ будто хорошее, но спросите: если освобождать, то отъ кого же? Развѣ мы, русскіе люди, вѣрные подданные своего Царя Батюшки, въ рабствѣ какомъ находимся, что бунтовать намъ надо да освобождаться? Вѣдь не татары какіе-нибудь нами владѣютъ, а Царь Православный. Вѣдь не баскаки какіе, а вѣрные слуги Царя, Его царскимъ повелѣніемъ, нами управляютъ. Говорятъ: надо освобождаться отъ чиновниковъ, которыхъ враги наши обзываютъ „бюрократами“. Но развѣ въ какомъ бы ни было царствѣ безъ чиновниковъ дѣло обходится? Какъ обойтись безъ властей, когда такъ много на свѣтѣ злыхъ людей, которые Бога не боятся, людей не стыдятся, которыхъ только и можно обуздать страхомъ власти, иначе отъ нихъ никому житья не будетъ. Это всякій ребенокъ пойметъ. А чиновники и есть исполнители законовъ, карающихъ зло. Говорятъ: „чиновники не хороши, они злоупотребляютъ законами; надо имѣть чиновниковъ выборныхъ“. А кто поручится, что выборные-то не будутъ злоупотреблять законами? Да и кто ихъ выбирать-то будетъ? На Руси живетъ сто тридцать милліоновъ народа, а губернаторовъ нужно меньше сотни, что-жь, цѣлый милліонъ опрашивать что ли, кого выбирать въ губернатора? Выбираютъ въ деревнѣ старосту, да и то сколько тутъ всякаго обмана да лукавства бываетъ: хорошій человекъ сторонится отъ этой должности, боясь отвѣтственности, а худой готовъ обѣщать худымъ людямъ всякое покровительство, готовъ угощать всѣхъ, только бы его выбрали—себѣ на горе и обществу во вредъ. Что скрывать истину: выборы рѣдко къ добру приводятъ. Да и какъ выбирать мнѣ человека, котораго я вовсе не знаю? А есть ли на свѣтѣ такой человекъ, котораго бы вся губернія знала? И будутъ выборы только обманомъ простыхъ людей: кто сдумаетъ себѣ собрать побольше голосовъ, тотъ и будетъ выбранъ, а какъ онъ будетъ собирать эти голоса, это уже его дѣло. За примѣромъ ходить не далеко: выбирали по всей Россіи въ первую Государственную Думу, по указу Царскому, „лучшихъ людей“, а кого выбрали? Какіхъ людей Царю послали? Изъ пяти

сотъ и десятой доли не нашлось дѣйствительно хорошихъ, честныхъ, богобоязненныхъ и Царю вѣрныхъ Русскихъ людей, а пробрались туда всѣми неправдами все больше люди чуждые намъ и по вѣрѣ и по крови, а если и прошли русскіе по крови, но не по духу: по духу они были измѣнники завѣтамъ родной нашей старины. И пришлось Царю Батюшкѣ всѣхъ ихъ „распустить“, а проще говоря—разогнать, какъ ни на что негодныхъ. Немного хорошихъ, честныхъ русскихъ людей попало и во вторую Думу: больше попало такихъ, которые не захотѣли съ нами порадоваться, что Богъ сохранилъ нашего Царя-Батюшку, не захотѣли поздравить Его съ милостью Божіей, не захотѣли даже высказать порицанія разнымъ убійцамъ и извергамъ! Напротивъ: хотѣли выпустить изъ тюремъ всѣхъ этихъ изверговъ, чтобы они хозяйничали и проливали кровь на святой Руси! Мало и этого: 55 членовъ этой второй Думы явно избличены въ преступной измѣнѣ Царю, въ намѣреніи истребить весь Царствующій Домъ и завести въ Россіи безбожную республику!.. И снова пришлось разогнать мятежную Думу, которая не захотѣла выдать этихъ мятежниковъ. Вотъ вамъ и выборы! Вотъ вамъ и „народные избранники!“

Впрочемъ, не къ тому я веду рѣчь, чтобъ вовсе не принимать участія въ тѣхъ выборахъ, какіе законъ предписываетъ: когда Царь велитъ—надо исполнять Его волю по совѣсти, какъ предъ Богомъ; надо идти на выборы и всѣми мѣрами стараться, чтобъ избирались люди православные, благочестивые, Бога боящіеся, разумные, истинно-русскіе; стараться, чтобъ не попали въ число избранниковъ Іудей—враги Христовы, разные безбожники да измѣнники. Я только хочу сказать, что выборные порядки въ наше грѣшное время—дѣло очень опасное: тутъ не столько будетъ дѣйствовать совѣсть христіанская, сколько лесть да подкупъ, дружба да родство, а стало быть и ложь и обманъ. Но объ этомъ мы еще поговоримъ когда нибудь, а теперь обратимся къ милой грѣшному сердцу свободѣ.

Мы знаемъ, что пока законы стояли твердо, пока Власть строго требовала имъ подчиненія, дотолѣ и жить было свободно и спокойно. А какъ законы пошатнулись, такъ и свобода наша въ рабство обратилась. Въ самомъ дѣлѣ: года три—четыре назадъ можно было одному-единешеньку отпираться въ путь дорогу хоть за 1000 верстъ: никто тебя въ пути не тронетъ. А теперь по улицѣ пройти стало страшно: хороша же настала свобода! Вездѣ—только и слышишь—грабежи да убійства, поджоги да бунты: вотъ вамъ и свобода! Сидишь себѣ дома и думаешь: а что если вдругъ ворвутся къ тебѣ гости непрошенные, разные „экспропріаторы“, наставятъ въ грудь браунингъ, скажутъ: „руки

вверхъ“ и потребуютъ денегъ... Вотъ тебѣ и свобода!.. Почуяли свободу только разбойники да грабители, да безсовѣстные лжеучители, обманщики народа Православнаго. Вездѣ, и въ городахъ, и по селамъ, и по деревнямъ, и особенно по фабрикамъ разсыпались они, эти крамольники-соблазнители,—они шныряють да смуту разносятъ и къ бунту подговариваютъ недалекихъ умомъ простыхъ людей, особенно рабочихъ да несчастную нашу молодежь. А по городамъ, пользуясь яко бы „свободой слова“, разныя крамольныя газеты печатають, въ коихъ ноносятся и всячески клеветуютъ на вѣрныхъ Царскихъ слугъ, и добрыхъ пастырей и служителей Церкви Божіей и тѣмъ смущаютъ простыя души. И нужно ли напоминать, что пережили мы за послѣдніе два года да и теперь переживаемъ отъ этого „движенія къ свободѣ“! Говорить объ этомъ значить только раны русскаго бѣднаго сердца беречь. Много невинной крови пролито, крови мучениковъ долга, исполнителей воли Царской, служителей алтаря Господня, крови православныхъ русскихъ людей, которые не хотѣли измѣнять присягѣ, данной предъ крестомъ и Евангеліемъ, не хотѣли служить измѣнникамъ и покрывать ихъ проклятыя козни... Сколько младенцевъ и старцевъ, ни въ чемъ неповинныхъ, растерзано бомбами этихъ изверговъ рода человѣческаго! Вѣчная память этимъ мученикамъ и царство имъ небесное! А зачинщикамъ смуты, измѣнникамъ Царю и отечеству, которые обманывали простыхъ людей и вовлекали въ эту смуту—анаѳема, вѣчный позоръ и проклятіе!

И вотъ, эту-то смуту, этотъ-то бунтъ противъ Богомъ поставленной Власти, противъ Божія Помазанника, и прозвали наши враги „освободительнымъ движеніемъ“.

„Освободительное движеніе“!.. Какъ благородно звучитъ это слово! А если перевести это слово на простой русскій языкъ, то и надо будетъ сказать, что оно, на языкѣ руководителей смуты, значить: „бунтарское движеніе“. Вотъ вѣдь какъ ложь прикрывается покровомъ истины!

II.

Такъ значить истинной свободы вовсе нѣтъ? спросятъ меня читатели мои. Стало быть свобода—это только мечта одна, сонъ, привидѣніе, обманъ?

Нѣтъ, истинная свобода есть, ее принесть на землю Христосъ. Спаситель нашъ, и тотъ, кто внимаетъ Его Божественному ученію, кто слушается слова Его, кто проводитъ въ жизнь Его святые завѣты, тотъ и свободу получаетъ не мнимую, не мечтательную, а истинную, которая даетъ душѣ человѣческой желанный миръ въ совѣсти, даетъ радость въ сердцѣ и счастье, ка-

кого никто на землѣ, кромѣ истинныхъ учениковъ Христовыхъ, не можетъ имѣть.

Что же это за свобода?

А вотъ послушайте.

Посмотрите вы на человѣка, преданнаго пороку, на примѣръ, на пьяницу и скажите, положи руку на сердце: свободенъ ли онъ? Я не говорю уже о томъ несчастномъ пьяницѣ, который все, что имѣлъ, пропилъ, который не имѣетъ угла, гдѣ ему голову бѣдную склонить, который валяется подъ заборомъ или въ канавѣ: о такомъ ужъ и говорить нечего, это рабъ нужды, рабъ своей страсти, совсѣмъ потерявшій въ себѣ образъ Божій, скоту уподобившійся несмысленному. Нѣтъ, — посмотрите на пьяницу — богача, у котораго, можетъ быть, цѣлыя горы золота, великолѣпные дворцы, множество слугъ, словомъ — все, что такъ манитъ грѣшное сердце человѣческое, о чемъ такъ мечтаетъ бѣднякъ... Пусть даже будетъ это человѣкъ властью облеченный, которому повинуются тысячи народа, предъ волей котораго все склоняется, отъ одного слова коего всѣ подчиненные ему трепещутъ... Но — онъ пьяница: лишь только проснулся онъ, какъ уже тянется къ вину, — онъ жить не можетъ безъ вина. Скажите: ужели это — свободный человѣкъ? Нѣтъ! Это — рабъ, самый несчастный рабъ, и притомъ — какой стыдъ, какой позоръ — рабъ даже не человѣка, все же носящаго образъ Божій, а рабъ вина, своей собственной страсти, рабъ бѣса пьянственнаго! Счастливъ ли онъ? Спросите его самого и онъ скажетъ вамъ, если только еще онъ не потерялъ способность сознавать свое положеніе, онъ со стономъ души скажетъ, что едва ли есть еще человѣкъ на свѣтѣ, болѣе его несчастный. Последний невольникъ, работающій въ плѣну у врага изъ подъ палки, счастливѣе такого раба своей страсти! Тотъ хоть знаетъ свое человѣческое достоинство, хоть можетъ, работая руками, свободно мечтать о счастьѣ, можетъ, если онъ вѣрующій человѣкъ, свободно возносить свой умъ къ Богу, молиться, повѣдать Ему, Отцу Небесному, скорби свои, нужды свои, просить у Него силъ для несенія тяжелаго креста своего, и въ этомъ находить себѣ утѣшеніе, подкрѣпленіе, надежду на милость Божию и вѣчную радость небесную. А пьяница богачъ ни къ чему такому неспособенъ: молитва ему на умъ нейдетъ, мысль его не работаетъ, несносная тоска давитъ грѣшное сердце, совѣсть робко наминаетъ о Богѣ, а злой духъ, бѣсъ пьянственный, клонитъ душу къ отчаянію и побуждаетъ опять и опять искать забытья въ винѣ, тошнить горе души, никому незримое, въ дорогихъ опьяняющихъ напиткахъ... Таково рабство страсти пьянственной! И никто отъ него не застрахованъ: бы-

вають пьяницы и богатые, безъ числа много пьяницъ среди бѣд-
няковъ, бывали пьяницы и цари, какъ на примѣръ Иродъ, убив-
шій Предтечу и Крестителя Христова Іоанна. И всѣ они—рабы
несчастные, рабы своей страсти, и ни какимъ золотомъ не мо-
гутъ такіе купить себѣ желанную свободу—миръ и радость въ
душѣ, свободу дѣлать добро; только одинъ Господь милосердый
можетъ освободить такихъ рабовъ отъ ихъ страданій, избавить
ихъ отъ тиранства страсти, а къ этому путь одинъ—покаяніе.
А вотъ человѣкъ трезвый, непьющій, совершенно свободенъ отъ
такого рабства. Онъ трудится—работаетъ, добывая себѣ хлѣбъ
насушный, и самымъ трудомъ своимъ укрѣпляя силы свои. Онъ
дѣлится плодами трудовъ своихъ съ ближними по заповѣди Бо-
жіей, онъ не забываетъ и храма Божія, онъ знаетъ, что если
онъ съ Богомъ подѣлится отъ трудовъ своихъ, то Богъ благо-
словитъ его какъ Исаака, который постѣялъ пшеницу и Богъ
благословилъ его, и уродилась она сторицею...

Что сказано о пьянствѣ, то слѣдуетъ сказать и о всякой дру-
гой страсти, какая завладѣетъ сердцемъ человѣческимъ. И раз-
вратникъ, и честолюбецъ, и корыстолюбецъ—всѣ они рабы сво-
ихъ страстей, несчастные невольники сатаны, неимѣющіе силъ
освободиться отъ своего тирана-мучителя. *Всякъ творяй грѣхъ—
рабъ естъ грѣха.* Это божественное слово Самого Господа нашего
Іисуса Христа. Внимайте ему, добрые ученики Христовы! Если
ваше сердце жаждетъ свободы духа, жаждетъ мира и радости,
жаждетъ счастья: слушайте Христа, своего Спасителя, Боже-
ственного Учителя! Живите, какъ Онъ заповѣдуетъ, любите
другъ друга, какъ братья, какъ дѣти одного Отца небеснаго, и въ
этой любви обрѣтете свое счастье, свою духовную свободу, свою
радость, которой никто-никто не будетъ въ состояніи отнять у
васъ! Вы сердцемъ своимъ почувствуете, всѣмъ существомъ сво-
имъ узнаете, что вы стали духомъ свободны, что Христосъ
свободилъ васъ отъ рабства грѣху, что вы Его дѣти любимые!
Не можетъ человѣкъ познать этой истинной свободы духа безъ
исполненія заповѣдей Христовыхъ, не научишься по книжкѣ
этому счастью быть чадомъ Божиимъ; мало того: люди міра сего,
всѣмъ сердцемъ своимъ прилѣпившіеся къ землѣ и ея благамъ,
смѣются надъ нашимъ счастьемъ,—слѣпцы несчастные! они и не
могутъ познать его, какъ не могли познать и понять ученія Хри-
стова древніе оные книжники и фарисеи, какъ не могли понять Его
ученые аѳиняне, когда проповѣдалъ имъ Христа Апостоль Павелъ.

Мнѣ скажутъ: вы говорите о свободѣ духовной, а нынѣ вѣдь
все толкуютъ о свободѣ политической.

А что такое свобода политическая? Какъ понимать ее? Сво-
бода дѣлать, что хочешь? жить, какъ хочешь? Но вѣдь если всѣ

потребуяють такой свободы, то надо всѣ законы отмѣнить, а законы для того и пишутся, чтобъ злой свободѣ границы положить. Отнимите эти границы, уничтожьте законы и тогда никому изъ честныхъ людей не будетъ житья: злые люди всѣхъ ихъ въ рабовъ себѣ обратятъ. Воцарится всюду насиліе, кровопролитіе, погибнетъ все, что люди созидали тысячи лѣтъ, будетъ всюду ужасъ и смерть... Это понятно каждому ребенку. Всякій честный человѣкъ будетъ отрешиваться отъ такой свободы. А тѣ, кои величаютъ себя „освободителями“, на самомъ дѣлѣ такой свободы и ищутъ. Вотъ почему они и толкують объ амнистіи, то есть, объ освобожденіи преступниковъ изъ тюрьмы; вотъ почему они толкують объ отмѣнѣ смертной казни, о томъ, чтобъ не увеличивать, а напротивъ, уменьшать наказаніе за разныя преступленія, совершаемыя ихъ союзниками—убійцами и грабителями. Они хотятъ, чтобъ никто не препятствовалъ имъ творить всякую смуту, сѣять всякія ереси, отвращать простыхъ людей отъ вѣры православной, попирать наши святыни, грабить церкви Божіи, и въ концѣ концовъ захватить власть въ свои грязныя, кровью запятнанныя руки... Вотъ чего добиваются наши „освободители“: имъ хочется всѣхъ насъ, русскихъ православныхъ людей, а если бъ было можно, то и весь міръ обратить въ своихъ рабовъ: хорошо освобожденіе, хороша свобода! Они уже и теперь распоряжаются на Руси, какъ безпощадные разбойники: всюду грабятъ, рѣжутъ, стрѣляютъ, жгутъ; что же будетъ тогда, когда они станутъ хозяевами? Вѣдь они ни Бога, ни чести, ни совѣсти не знаютъ и знать не хотятъ! Несчастливая наша родина! До чего ты дошла! Какихъ дѣтокъ себѣ нажила! Опомнись, проснись, кайся Богу и молись, чтобъ Онъ смиловался надъ тобой и просвѣтилъ бы умы сыновъ твоихъ свѣтомъ разума святаго Евангелія Своего! Чтобъ Онъ возставилъ среди насъ мужей мудрыхъ, честныхъ, самоотверженныхъ совѣтниковъ Царю, помощниковъ Ему въ тяжкомъ Его служеніи народу, въ несеніи Его креста, въ коемъ слились кресты всѣхъ вѣрныхъ русскихъ людей!

Да, намъ нужна свобода. Но какая? Да вотъ—свобода отъ этихъ освободителей, отъ этихъ лжецовъ и обманщиковъ, этихъ лживыхъ пророковъ, этихъ волковъ хищныхъ, прикрывающихся одеждами овчими! Намъ нужна свобода творить добро, жить похрістіански, вѣровать по православному, вѣрою и правдою служить Царю и Родной землѣ! И пусть мудрые законы ограждаютъ сію нашу свободу отъ всякихъ на нее покушеній этихъ глаголемыхъ „освободителей“, этихъ лжецовъ и поработителей! Вотъ какой свободы мы просимъ, ищемъ, жаждемъ и какую единственно считаемъ истинно политической свободой! Оградите намъ эту свободу, дайте намъ возможность въ Русской землѣ

жить по русски, по православному; мы не обращаемъ въ свою святую вѣру иновѣрцевъ насиліемъ, обманомъ, разными обѣщаніями земныхъ выгодъ; мы не препятствуемъ иновѣрцамъ молиться по своему: не допускайте же, чтобы и иновѣрцы ругались надъ нашею вѣрою православною, не допускайте имъ совращать православныхъ простецовъ въ свои ереси и расколы, заградите уста богохульниковъ, чтобъ не издѣвались они надъ завѣтными святынями нашего сердца: этого мы въ правѣ требовать, ибо мы живемъ въ православной Россіи, подъ скинетромъ Благочестивѣйшаго Самодержца—первенца Церкви Православной и ея могучаго покровителя: это и будетъ свобода совѣсти. Не позволяйте каждому неучу, исключенному изъ семинаріи или гимназіи мальчишкѣ, развращать народъ печатными листами, издаваемыми на счетъ враговъ нашихъ, особенно іудеевъ; пусть издають газеты и книги только люди честные, умные, въ Бога вѣрующіе и Царю вѣрные подданные: это и будетъ свобода печати. Не позволяйте всякому пройдохѣ на всѣхъ перекресткахъ нести всякій вздоръ для возбужденія смуты; пусть бесѣдуютъ съ народомъ Богомъ поставленные его пастыри да люди добрые, вполне надежные и вѣрующіе: это будетъ свобода слова. Пусть законъ строго наказываетъ всѣхъ такъ называемыхъ „экспроприаторовъ“, по просту говоря—разбойниковъ: это и будетъ свобода личности. Пусть не допускаютъ незаконныхъ сборницъ для соблазна простыхъ людей бунтарскими рѣчами; напротивъ, пусть свободно собираются русскіе люди, чтобъ разсудить о томъ, какъ лучше устроить свою жизнь по закону Божьему да по волѣ Царской: это и будетъ свобода собраній. Пусть объединяются добрые люди въ союзы и разныя общества для добра, для честнаго служенія родинѣ, для защиты Царя и Отечества отъ этихъ лютыхъ враговъ-соблазнительей: это и будетъ свобода союзовъ. Вотъ какой свободы мы жаждемъ, вотъ при какой свободѣ будетъ легко и отрадно жить на святой Руси!..

Старецъ.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXXVIII.

На службѣ по откупу я успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія и потому безъ опасенія могъ смотрѣть въ будущее свое и

моихъ сиротъ. Наняли мы приличную квартиру, обзавелись прислугой. Приличная обстановка уже была, и зажили мы съ сестрами, какъ нельзя лучше. Капиталецъ, хоть и небольшой, которымъ я могъ располагать, давалъ намъ возможность даже имѣть нѣкоторое изобиліе въ домашнемъ обиходѣ. Я весь отдался тихой семейной жизни съ дорогими моему сердцу сестрами.

Отъ брата извѣстій не было.

Но недолго продолжалось мое безпечальное житіе: по довѣрчивости своей я роздалъ большую часть своихъ денегъ займы, довѣріе мое было обмануто, и я лишился большей части своего капитала. Чтобы не тревожить сестеръ, я утаилъ отъ нихъ свою скорбь, но, видя, какъ быстро сталъ истощаться мой кошелекъ, началъ предаваться тайному унынію. Пробовалъ развлекаться чтеніемъ лучшихъ нашихъ свѣтскихъ писателей, но они на меня нагоняли своимъ безбожіемъ еще большую тоску, еще большее уныніе. Въ эти грустные для меня часы уходилъ я въ садъ и предавался отрадѣ одиночества. Нѣтъ ничего лучше одиночества, когда скорбитъ душа, болитъ и тоскуетъ сердце!.. И сталъ я ясно слышать голоса, сперва негромкіе, какъ бы издалека, а затѣмъ эти голоса усилились и дошли до дикаго вопля...

— „Ну, что монахъ!“—кричали мнѣ эти голоса: „гдѣ-жъ твоего Бога для тебя помощь? Ну-ка, призови Его—что Онъ послушаетъ тебя? ха-ха-ха!“

Раздавался зловѣщій, страшный хохотъ: „ха-ха-ха! Оставь-ка лучше свои помыслы о монашествѣ—живи, какъ живутъ въ мірѣ!.. Не быть тебѣ въ монастырѣ! Да и не трудись призывать небо себѣ на помощь—оно тебя не услышитъ!“

Боже мой! что это былъ за ужасъ—эти голоса!.. И чѣмъ дальше, тѣмъ это становилось все хуже, все страшнѣе. Дошло, наконецъ, до того, что я не только сталъ слышать эти леденящие душу ужасомъ голоса, но и видѣть въ отдаленіи стоящую страшную толпу, съ хохотомъ мнѣ кричащую:

— „Монахъ, монахъ! гдѣ-жъ Богъ твой? гдѣ сила Его?.. Ну-ка, ну-ка, призови, попробуй—призови!.. Нѣтъ, ты нашъ, нашъ ты, и всѣ мечты твои, и всѣ твои надежды—все наше, все наше“!..

Нельзя словами передать того мучительнаго ужаса, который наводили на все мое существо этотъ адскій хохотъ, эти страшные дикіе вопли... Я сталъ бояться выходить одинъ въ садъ, сталъ избѣгать одиночества. Подозрительно поглядывали на меня ближніе мои, видя во мнѣ какую-то растерянную испуганность: ужъ не начинается ли у меня горячка, думали они; но я былъ совершенно здоровъ и физически, и умственно—былъ такой же, какъ всегда, какимъ я и теперь, когда пишу эти строки. Но

стоило мнѣ, немного успокоившись, выйти одному въ садъ, какъ опять неслись мнѣ навстрѣчу крики иногда зримою, чаще же незримою толпы:

— „Монахъ, монахъ! ха-ха-ха, монахъ! Ну, что-жъ, гдѣ помощь, гдѣ сила Бога твоего“?..

Однажды тѣ же слова стали мнѣ съ дерева выкрикивать воронъ, а потомъ уже и цѣлыя стаи вороновъ подхватили этотъ демонскій припѣвъ, каркая и кружась надъ моей головой:

— „Гдѣ помощь Бога твоего? Монахъ, монахъ! ха-ха-ха“!

Въ концѣ концовъ я привыкъ къ этому дьявольскому издѣвательству и спасался отъ него колѣнопреклоненной усердной молитвой. И не знаю—почему, но въ сердцѣ моемъ росла и крѣпла увѣренность въ близкой помощи свыше и въ скоромъ освобожденіи меня отъ міра. Я вѣрилъ словамъ старца Макарія.

Со дня кончины отца шелъ уже третій годъ, а съ выхода изъ Площанской Пустыни—седьмой. Какой-то тайный во мнѣ голосъ вѣщалъ, и я слышалъ его своимъ внутреннимъ слухомъ:

— „Ты тогда получишь увольненіе отъ міра, когда у тебя на родинѣ будетъ городскимъ головой Рожковъ!“

Чудно это было, а я, всетаки, этому голосу вѣрилъ.

XXXIX.

Послѣднія крохи моего достоянія доѣдали мы съ сестрами, которымъ мнѣ пришлось таки открыть обманъ, лишившій меня моего капитала. Не разъ уже онѣ упрекали меня въ безпечности и говорили:

— „Что же ты, братъ, не заботишься о должности? На что ты надѣешься? Вѣдь дойдешь до того, что будешь стыдиться самого себя“.

На эти рѣчи отвѣтъ мой былъ одинъ:

— Нынѣ годъ моего освобожденія, и я непременно уйду отъ васъ въ обитель.

Въ Балашовѣ въ это время уже былъ городскимъ головой Рожковъ. Сестры не знали моихъ надеждъ, грустно улыбались, говоря:

— „Смотри, братъ, не потужи послѣ! Хорошо, если осуществятся твои надежды; а если—нѣтъ? что тогда дѣлать будешь“?

Бывало и такъ, что вдругъ меня оставляли надежды, и я мысленно повторялъ себѣ вслѣдъ за сестрами:

— И впрямь, что же я тогда дѣлать буду?

И въ эти минуты уходилъ я къ себѣ, падалъ безмолвно лицомъ на землю и рыдалъ, какъ ребенокъ, измученнымъ своимъ сердцемъ прося помощи свыше.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда тяжелая тоска унынія на-

легла своею тяжестью на мое сердце, я заснулъ на молитвѣ и увидѣлъ сонъ: будто я въ какомъ-то городѣ, посреди площади. И всѣ жители этого города въ страшной тревогѣ бѣжали толпами изъ стороны въ сторону: одни бѣгутъ сюда, другіе туда, какъ на пожарѣ. И чувствую я, что и городу этому, и народу должно погибнуть. И въ это самое время я вижу вверху, на облакахъ, Препоблагословенную Дѣву Матерь Бога моего съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. На главѣ Ея была корона, у Богомладенца въ ручкахъ—скипетръ, а подъ ногами у Нихъ—луна. И по обѣ стороны Пречистой, но ниже Ея, на облакахъ увидѣлъ я двухъ иноковъ въ мантияхъ, а у одного изъ нихъ мантия была какъ бы архіерейская. Подъ иноками было также облачко и на немъ надпись: Θεο... Θεο... И очень мнѣ хотѣлось прочесть во снѣ эту надпись до конца и узнать имена тѣхъ двухъ иноковъ. Но, сколько я ни усиливался, болѣе разобратъ не могъ, какъ: Θεο... Θεο... Когда же я спросилъ во снѣ кто эти иноки и что это за надпись, то мнѣ было кѣмъ-то отвѣчено:

— „Не усиливайся прочесть,—не узнаешь—это тайна!“

И узналъ я только своимъ сердцемъ, что, съ появленіемъ этого дивнаго видѣнія, и городъ, и я спасены...

На этомъ я проснулся и долго удивлялся видѣнному, но вѣра въ скорое мое избавленіе окрѣпла послѣ этого видѣнія, и рѣчи сестеръ уже не производили на меня прежняго дѣйствія.

XL.

Уже немного, совсѣмъ немного оставалось въ моемъ кошелькѣ денегъ: призракъ злой нищеты все чаще и чаще вставалъ передъ моими испуганными глазами. На службу по откупу мнѣ послѣ моей исторіи съ управляющимъ поступить было трудно, а гдѣ было искать другой? Да, кромѣ того, я и помыслить не могъ опять закабалить себя міру, не отказавшись совсѣмъ отъ своей вѣры: къ чему же тогда прозорливость старца, къ чему все время предчувствія, знаменія, видѣнія? Къ чему все, чѣмъ все время питалась и была жива душа моя? Отказаться отъ вѣры значило для меня то же, что рѣшиться на самоубійство: я же, вѣдь, всѣмъ своимъ существомъ зналъ, что такое живая и животворящая вѣра: для меня она была не однимъ богословскимъ умствованіемъ, а всей жизнью моей души... Я терпѣливо ждалъ часа воли Божіей, но, признаюсь, становилось подчасъ жутко. Что-то будетъ съ бѣдными сестрами?

Истинно и непреложно Божье слово—„сила Божья въ немощи нашей совершается“: отъ брата Івана изъ Темиръ-Ханъ-Шуры пришло письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что онъ приѣдетъ ко мнѣ въ Лебедянь вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ

и чтобы я никуда до его прїѣзда изъ Лебедяни не отлучался. Братъ писалъ такъ: „ѣдемъ мы съ хозяиномъ и приказчиками въ Москву и на Нижегородскую ярмарку и на пути заѣдемъ къ тебѣ въ Лебедянь для свиданія съ тобою и сестрами“...

Это было въ 1860 году. Мнѣ шель 33-й годъ, а брату Ивану—25-й. Въ послѣднихъ числахъ Мая братъ и всѣ ѣхавшіе съ нимъ, и хозяинъ и прикащики, прибыли къ намъ въ Лебедянь. Болѣе 7-ми лѣтъ не видались мы съ братомъ, и была радость наша встрѣча, но я еще не зналъ, что она мнѣ готовитьъ, а то бы возрадовался еще болѣе.

Приготовленъ былъ сестрами обильный обѣдъ. Уставили онѣ столъ винами и закусками, какъ и подобаеть, по русскому обычаю, для встрѣчи желанныхъ и долго жданныхъ гостей. Рады были брату, но хотѣлось еще и попривѣттить именитаго гостя, чуть не миллионщика, братнинаго хозяина... И вотъ, когда мы сѣли за столъ и уже обѣдали, я вспомнилъ нашихъ стариковъ родителей и сказалъ:

— „Ахъ, братъ! Живы были бы наши родители и видѣли бы они насъ всѣхъ собравшихся вмѣстѣ: то-то бы они насъ благословили, то-то бы возрадовались!“

При этихъ словахъ сестры заплакали, заплакалъ и я. Глядя на насъ, заплакали двѣ невѣстки нашего домохозяина, очень любившія моихъ сестеръ и приглашенныя нами къ обѣду. Смотрю, и хозяинъ брата тоже до слезъ умилился... Братъ налилъ бокаль и хотѣлъ подчивать прїѣзжихъ гостей, но его остановилъ хозяинъ:

— „Подожди, Иванъ Аѳанасьевичъ“,—сказалъ онъ, отирая слезы: „я недаромъ ѣхалъ сюда знакомиться съ твоими родными: хотѣлось мнѣ лично убѣдиться въ правдѣ разсказовъ твоихъ о твоей семьѣ. Теперь я все видѣлъ, все знаю. И, вотъ, пришло время сказать тебѣ и всѣмъ твоимъ, что я рѣшаюсь выдать за тебя единственную дочь мою... Возьмите, Федоръ Аѳанасьевичъ, образъ и благословите брата вашего жениться на моей дочери, Марьѣ Васильевнѣ“.

Всѣ, при этихъ словахъ, встали. Я снялъ съ своей груди образокъ—материнское благословеніе, братъ положилъ три поклона и благословилъ я его словами:

— „Да будетъ надъ тобою и надъ вами благословеніе Божіе!“

И что тутъ было, Боже милостивый!.. Духъ захватило отъ нахлынушаго на всѣхъ насъ потока умиленныхъ, благодарныхъ слезъ къ Богу и Преблагословенной. Въ одну душу слились всѣ дунди наши, и мы только могли цѣловаться другъ съ другомъ и плакать. Плакали и цѣловались, цѣловались и плакали... А въ сердцѣ моемъ точно ангели пѣли: се, годъ избавленія твоего!

Се, годъ оправданія вѣры твоей и надежды твоей!.. О, незабвенное время!..

Послѣ объѣда будущій тесть моего брата попросилъ меня достать лошадей, и мы втроемъ, съ нимъ и съ братомъ, ѣздили въ Лебединскій Троицкій монастырь: ему хотѣлось видѣть мѣсто, гдѣ я жилъ и молился. Видѣлъ онъ и садъ монастырскій, и срубъ; показалъ я ему всѣ мѣста, на которыхъ я плакалъ и молился, прося Господа, чтобы Онъ устроилъ жизнь мою и сотворилъ меня Своимъ инокомъ. Была у меня въ срубѣ спрятанная крышка гробовая, свидѣтельница моихъ ночныхъ молитвенныхъ воздыханій, и ту я нашелъ и показалъ своимъ спутникамъ. Съ видимымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на все Василий Дорошеевичъ (такъ звали миллионщика), обо всемъ разспрашивалъ и, когда мы ѣхали обратно изъ монастыря домой, сказалъ мнѣ:

— „Ну, вотъ, Ѳедоръ Аванасьевичъ, мы возьмемъ теперь отъ тебя къ себѣ въ Шуру сестрицу, Пелагію Аванасьевну, а ты, во исполненіе даннаго объѣта, иди въ обитель и молись за всѣхъ насъ Богу“.

Съ этою радостною для меня вѣстью мы и вернулись домой, гдѣ насъ ждали съ чаемъ. Выпили мы тутъ на радостяхъ, закусили и въ тотъ же вечеръ мой, Богомъ ниспосланный благодѣтель и будущій родственникъ выѣхать изъ Лебедини на Москву съ братомъ и со всѣми прикащиками, наказавъ мнѣ привести въ Москву дня черезъ три сестру Поленьку.

О, глубина премудрости и милосердія Божія!..

Сергій Нилусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получить:

ЗЕРНЫШКИ БОЖІЕЙ НИВЫ

Троицкое чтеніе для дѣтей.

Цѣна cadaго номера 5 коп. съ пересылкой 7 коп.

Къ 1-му Іюня 1907 года вышло 54 номера

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ВСѢ НОМЕРА ЗЕРНЫШЕКЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ЗЕРНЫШКИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ОТДѢЛЬНЫМИ ТОМИКАМИ,

для праздничныхъ дѣтскихъ подарковъ по 12 кн. въ колѣнк. пер.

Цѣны cadaго тома въ переплетъ 80 коп. съ пересылкой 1 руб.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редак. „Троицкихъ Листковъ“.

Цензоръ Протоіерей *Н. Якубовъ.*

Редакторъ Свящ. *Н. Коноплевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.